

Вы его видели и слышали в фильме Рене Клера «На окраине Парижа». В роли Артиста он не слишком отличался от того прославленного шансонье, которого французская публика привыкла «ловить» на редких, очень редких концертах: невеселый, медлительный, умело скрывающий иронию, грусть, юмор под маской меланхолического увальня. И работает он тоже трудно, подолгу. Автор слов и музыки всех своих песен, он, согласно французской печати, подобен плодovому дереву: весь год он трудится в уединении, а осенью снимает урожай. Его последние «официальные» выступления в Париже прошли почти два года назад. С тех пор — молчание, которое он соглашался нарушить лишь ненадолго, для бедствующих композиторов, в чью пользу целиком шли сборы, или по какому-нибудь другому поводу. 16 сентября он возвращается, но не туда, где его ждут: в концертные залы Бобино или Олимпии, а на огромную сцену ТНП, во дворце Шайо. «Мне приятно думать, — говорит Брассенс, — что молодые люди, которые пишут мне, которые ждут меня за кулисами, чтобы сказать, что они, конечно, купили бы мои пластинки, если бы они не были «на мели», смогут предложить себе восемьдесят минут Брассенса за пять франков. Возможно, что эти же молодые люди ходили и в Олимпию, но с другим настроением. В церковь человек идет не с теми мыслями, что в кабачок. А Шайо гораздо больше похож на церковь, чем на кабачок».

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

1 4 ИЮН 1966